
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(38).03

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ МЕЛОССКОГО ДИАЛОГА В «ИСТОРИИ» ФУКИДИДА

М. С. Абимов

*Нижегородский
лингвистический
университет*

*e-mail:
michaelabimov@rambler.ru*

В Мелосском диалоге, построенном вокруг эпизода осады и разрушения афинянами островного полиса Мелос, сталкиваются старая мировоззренческая модель классического полиса (Мелос) и новая этическая система, созданная Афинской империей. Не вставая на сторону ни тех, ни других, Фукидид показывает, что мелосцы неспособны адаптироваться к изменившимся правилам внешней политики, что в итоге приводит их к гибели, афиняне же не помнят уроков прошлого и не задумываются о будущем. В своей гордыне они чересчур уверены в успехе, и, в конечном счете, не могут избежать поражения, которое начинается с Сицилийской экспедиции.

Ключевые слова: Афины, полис, Фукидид, империя.

В 416 г. до н.э. Афины направили на остров Мелос посольство с требованием отказаться от нейтралитета и выступить в Пелопоннесской войне на стороне Афинского морского союза. Поскольку мелосцы отказались подчиниться, их полис согласно ультиматуму афинян был немедленно осажден и, несмотря на сопротивление жителей, взят в 415 г. По решению афинян все мужчины, способные держать оружие, были казнены, женщины и дети проданы в рабство, а на мелосскую землю поселены клерухи. Так перестал существовать этот островной полис. Рассказ Фукидида об этом эпизоде войны распадается на две части: краткое упоминание собственно факта осады и разрушения города (Thuc., V, 84, 2–3; V, 114; V, 115, 4; V, 116, 2–4) и спор афинских послов с представителями Мелоса, известный как Мелосский диалог (V, 85–113).

Мелосский диалог занимает совершенно особое место в «Истории» — это единственный пассаж, написанный в жанре собственно диалога. Все остальные моменты, когда Фукидид передает слова персонажей через *oratio directa*, оформлены либо в виде длинных подготовленных речей, либо как обмен такими речами¹. Кроме того, здесь задача говорящих — убедить друг друга, а не третью сторону, как, например, у коринфян и керкирян, ведущих спор перед афинянами (I, 32–36; I, 37–43).

¹ О двух формах ораторского искусства (речи и диалоги — *μακρολογία* и *βραχυλογία*) см. Hudson-Williams H. Ll. Conventional Forms of Debate and the Melian Dialogue // The American Journal of Philology. 1950. Vol. 71. No. 2. P. 156 ff.

Действующими лицами диалога являются со стороны Афин послы (πρέσβεις)², со стороны Мелоса — αἱ ἀρχαί и οἱ ὀλίγοι, правящая верхушка и привилегированные граждане. Примечательно, что демос как таковой (οἱ πολλοί) не принимал участия в дискуссии, следовательно, не мог влиять на ход этого закрытого обсуждения.

Тематически диалог можно разделить на две части: первая посвящена целесообразности вынуждать Мелос присоединиться к Афинскому союзу (V, 85–101), во второй речь идет о том, какова вероятность успешного сопротивления со стороны мелосцев (V, 102–113). К ним примыкает и глава 103, где рассматривается вопрос «надежды» (ἐλπίς).

Определенные части диалога — в первую очередь, аргумент мелосцев об угрозе спартанского возмездия в случае поражения Афин в Пелопоннесской войне и то спокойствие, с каким афиняне принимают этот аргумент (V, 89–91) — указывают на то, что он, по всей видимости, был составлен Фукидидом уже после 404 г.³ Не раз отмечалось, что Мелосский диалог располагался бы точно в середине «Истории», если бы этот труд был доведен до конца⁴. События 416–415 гг. происходят как раз между первым этапом войны, проходившим под знаком идей Перикла, и вторым, закончившимся катастрофой для Делосского союза, а сразу же после рассказа о судьбе Мелоса начинается описание Сицилийской экспедиции, которая во многом и подготовила поражение 404 г. Таким образом, если рассматривать «Историю» в ключе полезности для определения общих тенденций и предсказания будущих событий⁵, это место служит своего рода тестом, где можно проверить понимание движущих сил и механизмов конфликта, а также попытаться сформировать собственное видение его дальнейшего развития⁶.

Можно также привести упоминаемую многими исследователями тесную связь диалога как с речами самой «Истории»⁷, так и с произведениями Еврипида и диалогами Платона⁸.

Исходя из упоминаний самого Фукидида, до 416 г. взаимоотношения между Афинами и Мелосом развивались следующим образом. Во II книге говорится, что в начале войны в 431 г. Мелос, не считая Фер, был единственным Кикладским островом, не присоединившимся к Афинам (II, 9, 4). В 426 г. афиняне отправили на Мелос 60 кораблей и 2000 гоплитов под командованием Никия (III, 91, 1–2)⁹, однако, поскольку даже после опустошения их земель жители не соглашались подчиниться, Никию пришлось отплыть ни с чем. После этого инцидента вплоть до 416 г. полису, по-видимому, удалось сохранять нейтралитет; по крайней мере, сам Фукидид не приводит каких-либо специальных причин нападения афинян.

Форма диалога для этого места выбрана Фукидидом неслучайно¹⁰. Дискуссия в виде обмена краткими репликами была предложена афинянами на том основании, что длинные подготовленные речи соблазнительны и их аргументация не поддается

² Это слово употребляется на протяжении всего эпизода (V, 84, 3; V, 85, 5; V, 114, 1). В отношении статуса этих послов см. Bosworth A. B. The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue // The Journal of Hellenic Studies. 1993. Vol. 113. P. 32.

³ Liebeschuetz W. The Structure and Function of the Melian Dialogue // The Journal of Hellenic Studies. 1968. Vol. 88. P. 76. Ср.: Romilly J. de. Thucydides and Athenian Imperialism. Oxford, 1963. P. 231.

⁴ Wassermann F. M. The Melian Dialogue // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 18, 36. Также: Regenbogen O. Thukydides als politischer Denker // HG. 1933. Bd. 44. S. 9 и Gundert H. Athen und Sparta in den Reden des Thukydides // Die Antike. 1940. Bd. 16. S. 111.

⁵ Что и составляет, по словам самого Фукидида, задачу этого сочинения (I, 22, 4).

⁶ Morrison J. V. Historical Lessons in the Melian Episode // Transactions of the American Philological Association. 2000. Vol. 130. P. 119 passim.

⁷ Ср. спор о судьбе Митилены (III, 37–40; III, 42–48), речь платейцев (III, 53–59).

⁸ Wassermann F. M. Op. cit. P. 18 passim.

⁹ Это первое упоминание о Никии.

¹⁰ Вполне очевидно, что диалог в целом составлен самим Фукидидом.

проверке (ἐλαφωγὰ καὶ ἀνέλεγκτα, V, 85, 1)¹¹. Они выразили готовность не использовать долгие вероломные монологи, способные склонить собеседников на их сторону: Ἦμεῖς τοῖνυν οὔτε αὐτοὶ ... λόγων μῆκος ἄλιπτον παρέξομεν (V, 89, 1). Таким образом, критикуя практику речей, Фукидид подчеркивает преимущества диалога как формы общения, вызывающей большее доверие и способной быстрее привести к истине или оптимальному для обеих сторон решению¹². В таких условиях читатель вынужден равным образом вслушиваться в аргументы и афинян, и мелосцев, а Фукидида нельзя обвинить в необъективности. В результате аргументы спорящих образуют более полную общую картину ситуации¹³.

Обсуждение судьбы Мелоса не носит свободного характера. Джеймс В. Моррисон выделяет в этом отношении три принципиальных ограничения¹⁴. Первые два относятся к формату обсуждения: это состав круга участников и форма диалога, третье касается содержания и представляет собой совокупность тем, на которые согласны говорить афиняне. Неучастие в диалоге народного собрания (τὸ πλῆθος) было выгодно совету (αἱ ἀρχαὶ) и знатым гражданам (οἱ ὀλίγοι), так как существовала опасность, что жители полиса, либо заботясь о своей безопасности, либо прельстившись словами послов, не поддержат их решения сохранять нейтралитет, и им не удастся отстоять свою независимость. Разговор в форме диалога также был им на руку, так как живой обмен мнениями в данной ситуации был более эффективен для достижения компромисса, на что указывали и сами афиняне (V, 85).

Третье ограничение – запрет на определенные темы, наложенный афинянами, – гораздо более важно для предмета диалога и ставит мелосцев в весьма невыгодное положение. С самого начала афиняне определяют тему обсуждения как спасение полиса¹⁵ и угрожают прервать дискуссию, если мелосцы будут уходить в сторону: Εἰ ἔν τοῖνυν ὑπονοίας τῶν μελλόντων λογιούμενοι ἢ ἄλλο τι ζυνηκете ἢ ἐκ τῶν παρόντων καὶ ὧν ὀρατε περὶ σωτηρίας βουλευσοντες τῇ πόλει, παυόμεθ' ἄν·(V, 87). Сюда они включают различные понятия: собственно σωτηρία (спасение) (V, 87; V, 88; V, 91, 2; V, 101; V, 105, 4; V, 110; V, 111, 2), ἀσφαλεία (безопасность) (V, 97; V, 98; V, 107; V, 111, 4), αἱ φανεραὶ ἐλπίδες (разумные ожидания) (V, 103, 2), а также неравенство между сильным и слабым (V, 89; V, 101; V, 111, 4). Главный запрет они налагают на какое-либо упоминание справедливости (τὸ δίκαιον) (V, 89)¹⁶. Справедливость, по их словам, возможна лишь при условии равенства сил (ἀπὸ τῆς ἰσῆς ἀνάγκης), в остальных же случаях следует руководствоваться соображениями выгоды (τὸ ζύμφερρον), так как в силу человеческой природы единственным действительным законом является право сильного (ὕπὸ φύσεως ἀναγκαίας, οὗ ἄν κρατῆ, ἄρχειν, V, 105, 2). Нежелательны также и некоторые другие темы: свобода, мужество и позор, размышления на тему прошлого или будущего. Все эти вопросы не имеют отношения к главной и единственно значимой для афинян теме выгоды и целесообразности (τὸ ζύμφερρον), а тема свободы вообще абсурдна, так как Мелос, очевидно, не может одновременно и сохранить свободу, и достичь спасения, что в глазах афинян является единственно выгодным для них в данной ситуации. Мелосцы вынуждены принять такие условия, одна-

¹¹ Это, между прочим, бросает тень на речи самой «Истории», а также и на всю государственную и судебную систему афинян.

¹² Разница между речью и диалогом была хорошо известна в античном обществе. Ср. длинные речи в суде и народном собрании, софистическая традиция и диалоги Платона. См. тж. Morrison J. V. Op. cit. P. 124.

¹³ Таким образом, было бы упрощением считать Мелосский диалог соревнованием между λόγος δίκαιος и λόγος ἄδικος.

¹⁴ Morrison J. V. Op. cit. P. 123.

¹⁵ Из 37 случаев употребления слова σωτηρία в «Истории» семь приходятся на Мелосский диалог.

¹⁶ Мысль о неуместности морально-этических соображений при решении вопросов внешней политики уже высказывалась в «Истории», ср. I, 73–77; III, 44–47.

ко, пользуясь возможностью «прерывать ... и возражать по каждому отдельному пункту»¹⁷ (V, 85), по ходу диалога неоднократно пытались вернуться к темам, дававшим им преимущество в споре.

Уже в самом начале возникает трение, когда мелосская сторона дает понять, что только через силу соглашается на ограничения, налагаемые афинянами (καὶ ὁ λόγος ᾧ προκαλεῖσθε τρόλῳ, εἰ δοκεῖ, γιγνέσθῳ, V, 88). Далее следует попытка мелосцев уравнивать понятия справедливости и выгоды. Они утверждают, что, устранив категорию справедливости, Афины, оказавшись в случае неудачи в положении слабого, могут поплатиться за свою самонадеянность. Возражение афинян состоит в том, что в случае поражения их судьей будет Спарта – государство их уровня, настолько же сильное, а, следовательно, она не станет жестоко наказывать поверженного противника¹⁸. Далее они указывают на то, что на данном этапе войны реальную опасность представляют не лакедемоняне, а союзные государства, в первую очередь островные полисы. Именно поэтому нельзя позволить, чтобы Мелос – единственный остров, не присоединившийся к Делосскому союзу, – сохранил нейтралитет, так как это будет недвусмысленным знаком слабости. Любая зависимость от Афин будет для мелосцев выгоднее альтернативы – полного уничтожения города. Ни один из предлагаемых вариантов компромисса неприемлем в виду критического положения самих афинян. Далее мелосцы вновь пытаются ввести в диалог аргументы морально-этического характера. Они говорят, что подчиниться и предать свою свободу для них стало бы «величайшей низостью и трусостью» (πολλὴ κακότης καὶ δειλία, V, 100). Афиняне не дают хода и этому возражению, ведь, по их словам, нет стыда в том, чтобы не вставать на пути у заведомо более сильной державы.

Во второй части диалога обсуждается успешность вероятного сопротивления мелосцев (V, 102–113). Они уповают на две вещи: на помощь богов и на лакедемонян¹⁹. Тема божественного вмешательства также относится к категории этических вопросов, ведь мелосцы надеются на богов именно в силу того, что благочестиво противостоят творящим беззаконие. Афиняне же не видят за собой никакой вины, они верят, что их поступки продиктованы общей для всех человеческой природой, и поэтому не должны выглядеть несправедливо ни для людей, ни, по-видимому, для божественных сил, ведь и сами мелосцы, будь у них возможность, проводили бы сходную политику. В помощь Спарты они также не верят, так как лакедемоняне склонны ставить знак равенства между собственной выгодой и справедливостью, а им не выгодно, располагая лишь ограниченными силами на море, отстаивать остров Мелос. В том же случае, если они осмелятся напасть на афинские земли в каком-либо другом месте, афиняне все равно не снимут осады города. На этом завершается Мелосский диалог. Мелосцы, не вняв предупреждениям афинян, дают гордый и независимый ответ на их предложение поступиться своей свободой и в результате теряют и ее, и все остальное. Фукидид отводит всего три строки на описание окончательной гибели города.

Рассматривая это место «Истории» в контексте общегреческой риторической традиции, нельзя не отметить его необычность. В отличие от диалогов Геродота или Платона здесь нет ничего от разговорного стиля²⁰, а с точки зрения самих говорящих, этот диалог, в действительности, выглядит скорее как ультиматум, чем как обсуждение. Он не направлен на компромисс, и стороны на самом деле не стремятся его достичь, напротив, подобно сократическому диалогу, здесь подчеркивается различие и непримиримость двух точек зрения. Ни афиняне, ни мелосцы не хотят конфликта, но никто из них не может отказаться от своих идеалов ради мира²¹. Фукидид многое не

¹⁷ Русский текст в пер. Г.А. Стратановского.

¹⁸ Именно это и произошло в 404 г., когда лакедемоняне не дали ход предложению Фив и Коринфа разрушить Афины, ссылаясь на высокие заслуги этого полиса во время Греко-персидских войн.

¹⁹ Мелос был именно спартанской колонией. См. V, 84, 2.

²⁰ Wassermann F. M. Op. cit. P. 22.

²¹ Ibid. P. 23.

говорит об этом эпизоде Пелопоннесской войны²² (опущены непосредственная причина нападения Афин, предполагаемый размер фороса, другие условия сдачи города). Весь рассказ об уничтожении Мелоса занимает в общей сложности немногим больше одной главы, то есть само происшествие, по сути, было тривиальным в рамках широкого конфликта. Эти обстоятельства ясно указывают на то, что диалог приведен не как часть повествования о попытке мелосцев сохранить независимость и даже не используется историком в качестве иллюстрации циничной жестокости афинян. Более всего он выглядит как размышление на тему взаимоотношений традиционного мировоззрения полиса старого типа и новой имперской идеологии, родившейся в ходе Пелопоннесской войны.

В то время как, по мнению С. Хорнблоуэра, позицию самого Фукидида непосредственно из текста Мелосского диалога вывести нельзя²³, читатель свободен в выборе своего отношения к описываемым событиям. Так, для Ж. де Ромийи²⁴ жители Мелоса предстают как жертвы, отважно сопротивляющиеся беспощадному агрессору; на их стороне, по крайней мере, часть симпатий Фукидида. Если же последовать за А. Б. Босвортом²⁵, то афинянам будет не чуждо милосердие, а их попытка убедить мелосских олигархов будет выглядеть как гуманитарная миссия, направленная на спасение имущества города и жизней граждан от ужасов неминуемой осады. При такой трактовке упрямство мелосцев просто необъяснимо, а нежелание послушаться афинян, практически умоляющих их капитулировать ради спасения города²⁶, граничит с суицидом²⁷.

Если же взглянуть на Мелосский диалог в целом, становится понятно, что в контексте всей «Истории», известной читателю, обе позиции – и афинян, и мелосцев – одинаково ущербны и призваны дополнить друг друга. С одной стороны, мелосцы чересчур беспечны и упрямы в своем нежелании понять суть внешней политики Пелопоннесской войны и механизма принятия решений. Они не осознают, что ни традиции и память о прошлом, ни сантименты и соображения справедливости и высшего закона не могут повлиять на ход событий. Игнорируя настойчивую просьбу придерживаться темы целесообразности в своих аргументах, они полностью лишают себя шанса уговорить афинян закрыть глаза на нейтралитет острова. На страницах своего труда Фукидид уже не раз давал указание на то, какие последствия влекут необдуманные действия и решения²⁸, но мелосцы были не так проницательны, как автор «Истории».

Но, с другой стороны, и афиняне не владели полной картиной. Думая о выгоде в настоящей ситуации, они полностью отвергают и уроки прошлого²⁹, и возможность изменения обстановки в будущем. Между тем предупреждения мелосцев оправдали себя позднее, когда афиняне выступили со всеми своими силами против Сицилии. Здесь такие слова, как спасение (σωτηρία — VII, 61, 1; VII, 63, 3; VII, 64, 2) и надежда (ἐλπίς — VII, 61, 2-3; VII, 63, 4; VII, 77, 1-2) звучат уже из уст афинского военачальника. Отказ просчитывать возможные варианты развития событий и невнимание к прошлому говорят об отсутствии у афинских посланников качеств, называемых πρόνοια (предусмотрительность) и ξύνεσις (рассудительность), которые у Фукидида

²² Pouncey P. R. *The Necessities of War. A Study of Thucydides' Pessimism*. New York, 1980. P. 88.

²³ Hornblower S. *Thucydides*. Baltimore, 1987. P. 185.

²⁴ Romilly J. de. *Thucydides and Athenian Imperialism*. Oxford, 1963. P. 290.

²⁵ Bosworth A. B. *Op. cit.* P. 33.

²⁶ Stahl H.-P. *Thucydides: die Stellung des Menschen in geschichtlichen Prozess // Zetemata*. 1966. Bd. 40. S. 165.

²⁷ Городам Торона и Скиона афиняне не предоставили возможности самим решать свою судьбу.

²⁸ Казнь платейцами фиванских пленных в 431 г. (II, 5, 7) и отказ от нейтралитета, предложенного им спартанцами в 429 г. (II, 72–74) в 427 г. приводят к их гибели (III, 66–67; III, 68, 1), ср. митиленский эпизод, а также решение Керкиры заключить союз с Афинами (I, 32).

²⁹ Афиняне все-таки делают отсылки к прошлому, но лишь для того, чтобы подкрепить свои аргументы. См. V, 109; V, 111, 1.

являются совершенно необходимыми для руководителя³⁰. Можно сказать, что в мелосском эпизоде недалёковидные афиняне виновны в ὕβρις (гордыня)³¹, грехе впоследствии хорошо знакомом элинам. И хотя Фукидид прямо не высказывает такого мнения, все же не лишена оснований мысль о том, что именно Сицилия стала их νέμεσις (возмездие).

Рядовой эпизод Пелопоннесской войны – осада и разрушение Мелоса в 416 г. – стал основой для Мелосского диалога, обсуждения, в котором сталкиваются афинское мировоззрение империи и моральные традиции классического полиса. Полис оказывается неспособным воспринять новые правила внешнеполитической игры, но и Афины, отбрасывая опыт прошлого, лишаются возможности предотвратить свое трагическое будущее³².

PLACE AND MEANING OF THE MELIAN DIALOGUE IN THUCYDIDES' S «HISTORY»

M. S. Abaimov

*Nizny Novgorod Linguistic
University*

*e-mail:
michaelabaimov@rambler.ru*

The Melian dialogue that centers around the siege and subsequent destruction of the island polis of Melos by Athenian troops represents a point where the two philosophies – the ethical system of a traditional polis (Melos) and that of an empire – come together. Without taking either side Thucydides shows that both are at a disadvantage: the Melians failing to adapt to the changed rules of the international game – which finally leads to their destruction – and the Athenians who forget the past and neglect future dangers. They, in their pride too confident of success, are destined to meet their defeat which awaits them in Sicily.

Key words: Athens, polis, Thucydides, Empire.

³⁰ Macleod C. Form and Meaning in the Melian Dialogue // *Historia*. 1974. Bd. 23. P. 391. Ср. Фукидид о Фемистокле (I, 90–93; I, 136, 1; I, 138, 1) и Перикле (II, 65, 5; II, 65, 13).

³¹ Liebeschuetz W. Op. cit. P. 77. Romilly J. de. Op. cit. P. 270–274.

³² Выходя за рамки рассматриваемого периода, в поддержку этого положения можно также привести ответ афинян македонскому царю Александру I (Her. VII, 143): «καὶ αὐτοὶ τοῦτο γε ἐπιστάμεθα ὅτι πολλαπλήσις ἐστὶ τῷ Μήδῳ δύναμις ἢ περ ἡ? ἴν ... ἀλλ' ὅμως ἐλευθερίας γλιχόμενοι ἀμυνόμεθα οὕτω ὅπως ἂν καὶ δυνώμεθα ... ἀλλὰ θεοῖσι τε συμμάχοισι πίσυνοί μιν ἐπέξιμεν ἀμυνόμενοι καὶ τοῖσι ἥρωσι» («Нам и самим, правда, известно, что боевая сила царя во много раз превосходит нашу Тем не менее, стремясь к свободе, мы будем ее защищать, пока это в наших силах ... Мы выступили против него, полагаясь на помощь богов и героев» — пер. Г.А. Стратановского).